

АНТРОПОЛОГИЯ

А. А. Бадмаев

УТКА В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ БУРЯТ¹

Изучение представленческого комплекса о дикой фауне как части общей картины мира у народов России является одной из важных задач отечественной этнографии. В рамках решения этой задачи были проведены фундаментальные изыскания на материалах отдельных этнических групп (русских, вепсов и др.). В связи с этим остается актуальным осуществление дальнейших исследований по данной тематике с охватом культуры других народов. Одним из центральных орнитоморфных образов в традиционном мировоззрении многих народов Евразии является образ утки, что обусловлено обширным ареалом ее обитания и тем утилитарным значением, которое она имеет как объект мясной охоты. Данный образ многозначен и характеризуется амбивалентностью коннотации. В бурятской этнографии эта тема еще не была предметом исследования. Настоящая статья посвящается выделению образа утки в мифологических воззрениях бурят. Работа базируется на фольклорных, лингвистических и этнографических источниках. Основным методом, примененным в работе, является структурно-семиотический метод, позволяющий определить символику, которая отражает идеи об утке. Данная водоплавающая птица не относилась к категории сакральных, тотемных животных, и у бурят не было пищевого избегания ее мяса. Определено, что из двух бурятских названий утки – *хоно* и *нугахан* – последнее представляет родовое обозначение птицы и имеет общемонгольское происхождение. Выделено, что в мифологических воззрениях бурят образ утки полисемантический и имеет неоднозначную характеристику. Выяснено, что, по традиционным представлениям бурят, утка символизирует женское начало. Данная водоплавающая птица связывалась с двумя сферами обитания – небом и водой – и выполняла функцию посредника между ними. Ее образ был вписан в космогонические представления бурят о сотворении мира. В мифологии и фольклоре ей предписывали лечебную функцию. С уткой (турпаном) ассоциируется идея оборотничества человека в утку. Кроме того, прослеживается мотив обращения души покойника в нее. В народных приметах бурят отмечается негативная коннотация утки.

Ключевые слова: буряты, традиционное мировоззрение, дикая фауна, образ утки, фольклор

Введение

Изучение представленческого комплекса о дикой фауне как части общей картины мира у народов России является одной из важных задач отечественной этнографии. В рамках решения этой задачи были проведены фундаментальные изыскания на материалах отдельных этнических групп (русских, вепсов и др.).

В связи с этим остается актуальным осуществление дальнейших исследований по данной тематике с охватом культуры других народов.

Одним из центральных орнитоморфных образов в традиционном мировоззрении многих народов Евразии является образ утки. Его характеристику на материалах отдельных этнических групп дают такие исследователи, как В. А. Бурнаков (2017), А. В. Гура (1997), А. А. Люцидарская и Е. М. Мелешко (2019), В. В. Напольских (1990), Дж. Тресиддер (1999), Ц. Чжао (2013) и др.

Общим является инкорпорирование утки в космогонические мифы евразийских народов, в которых она участвует в акте творения мира. Например, в мифологии хакасов две утки первоначально выступают демиургами, а после превращаются в противостоящих мифических персонажей – Худая и Эрлик-хана (Бурнаков, 2017: 472). У манси эта птица считалась ипостасью Калтац (жизнедательницы) и переносчиком души человека в теплую страну Мортим-ма (Люцидарская, Мелешко, 2019: 143). Ей приписывают роль посредника между мирами и стихиями. Она символизирует брачный союз, счастье и преданность (Тресиддер, 1999:

¹ Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

385–386; Чжао, 2013: 98). В то же время она увязывается с демонологическими персонажами (Гура, 1997: 668) и может иметь нечистую природу (Чувашская мифология, 2018: 132).

В традиционном мировоззрении бурят также представлен образ утки, но он еще не получил специального изучения. Настоящее исследование посвящено выделению данного образа в мифологических воззрениях бурят.

В работе использованы разные виды источников (фольклорные, лингвистические, этнографические). Особое место в ней занимают фольклорные материалы, собранные А. П. Беннигсенем, Г. Н. Потаниным и М. Н. Хангаловым. Лингвистические данные получены из двуязычных словарей современных монгольских народов и средневеково-монгольского словаря Н. Н. Поппе (1938). Причем ключевым лексическим источником послужил словарь «Буряад-ород толи» (2010). Дополнительный характер в исследовании имеют полевые материалы автора.

Основным методом, примененным в работе, является структурно-семиотический метод, позволяющий определить символику, которая отражает идеи об утке.

Результаты и обсуждение

Среди образцов позднепалеолитического искусства Предбайкалья, найденных на стоянке Мальта, представлены скульптурные изображения птиц (Цыбиктаров, 1999: 42), выполненные из бивня мамонта, одно из которых напоминает утку в полете. Это позволяет предполагать, что образ этой птицы уже в ту эпоху был включен в мировоззренческие представления древних обитателей субрегиона. По происшествию многих тысячелетий он обнаруживается и в традиционном мировоззрении бурят, являющихся аборигенами Байкальского региона.

Буряты специально не охотились на птиц, в отличие от других диких животных, которых добывали в ходе пушной или мясной охоты. Из водоплавающих пернатых у них почиталась только лебедь, ее относили к кругу священных животных, убийство которых порицалось. По источникам XVIII в., они употребляли в пищу мясо диких гусей и уток (Линденау, 1983: 140; Миллер, 2009: 256). В XIX в. тушки этих птиц стали обменивать или продавать русскому старожильческому и переселенческому населению.

В бурятском языке известны следующие названия представителей отряда утиных: *ангир* ‘турпан, нырок-синьга’, *мааргай* ‘кряква’, *хурьган хоно* ‘утка мелкой породы, утка с пушистым хвостом’, *хоно* ‘чирок-свистунок’, *шунгадаг хоно* ‘утка-нырок’, *эрезн толгойто хоно* ‘чирок-клокотун’ (Буряад-ород толи, 2010: 617). При этом в большинство приведенных номинаций входит слово *хоно* ‘селезень, утка’. В связи с этим стоит указать, что буряты используют такое гендерное деление уток: *хоно нугахан* ‘селезень’; *боржон* ‘утка-самка’ (Буряад-ород толи, 2010: 617). Вероятно, под *хоно* изначально подразумевался селезень, позднее это слово вошло в наименования разных видов утки.

Другим значением слова *хоно* является «овод/слепень». Буряты ассоциировали этих двукрылых насекомых, подобно гнусу, с демоническими силами, наделяя их отрицательной коннотацией, которая в свою очередь могла переноситься и на образ одноименной птицы – утки.

Вместе с тем в бурятской лексике есть родовое обозначение утки – *нугахан*, которое, несомненно, имеет общемонгольское происхождение: *туясун* ‘утка’ (Поппе, 1938: 261); *нугас(ан)* ‘утка’ (Большой академический монгольско-русский словарь, 2001–2002: 596); *нугэс* ‘дикая утка’ (Краткий дагурско-русский словарь, 2014: 126); *нуһсн* ‘утка’ (Хальмг-орс толь, 1977: 385); *нугаса(н)* ‘утка’ (Хамниганско-русский словарь, 2015: 221).

Из всех биологических признаков данной водоплавающей птицы особенно выделяли ее клюв, неслучайно о человеке с вздернутым носом говорили, что у него *нугахан хамар* ‘утиный нос’ (Буряад-ород толи, 2010: 617).

О женском начале утки можно вынести из следующей бурятской поговорки:

«Нуурта нууһан ногоһон сэгсэ.

Нооһоо һамнаһан эзы сэгсэ.

Сидящая на озере утка красива.

Причесанная женщина красива» (Бадарханова, 1982: 120).

Косвенным намеком на женскую природу этой птицы можно также считать даваемое при рождении девочки имя Нугаһан (Митрошкина, 1987: 82).

В бурятской мифологии утка была связана с двумя сферами обитания – небом и водой, поэтому ей присваивалась соответствующая символика (небесная, водная). Хотя, как известно, в дикой природе она строит гнездо на земле и перемещается по суше, эти обстоятельства не нашли отражения в суждениях бурят о ней. Вероятно, это было обусловлено тем, что ее чаще наблюдали только в двух указанных выше стихиях.

Образ этой водоплавающей птицы у бурят был включен в космогонические воззрения. У них были известны разные варианты мифа о творении земли. Согласно одному из них, богиня Эхэ Бурхан (Эхэ Ехэ Бурхан ‘Великая Мать-богиня’) создает из коры золотого тальника первородную птицу Анхата Шубуун (*ангата* ‘аркалик (птица)’) (Буряад-ород толи, 2010: 67)), которая в когтях поднимает со дна океана землю, благодаря чему богиня создает сушу (Хадахнэ, 1926: 32).

Во второй версии данного мифа демиургом выступает уже мужской персонаж – божество Сомбол-бурхан, которое обращается к птице ангате, плывущей по воде с 12 детьми, с просьбой достать со дна землю. Ангата приносит ему «на носу черную землю, а в лапах красную глину» (Сказания бурят, 1890: 66). Остается неясным, о каком виде водоплавающей птицы может идти речь. Но показательно благопожелание ангате, произносимое Сомбол-бурханом, в котором, по сути, характеризуется пернатое: «Ты будешь иметь много детей, и плавать по воде и нырять!». Иначе говоря, это водоплавающая птица, способная нырять и дающая большое потомство. Важным также представляется и ранее упоминаемое число птенцов у этого пернатого – 12. Дело в том, что, по данным орнитологии, утки имеют выводок из 5–12 утят (Коблик, 2001: 209).

В другом варианте мифа уже определенно говорится об утке *ангир* ‘турпан’ (*Melanitta fusca*). Причем в повествование инкорпорируются буддийские мотивы: «Тогда Сомбол-бурхан сказал птице ангир: «Опять нырни в воду за землей; на пути говори слова: «об мани будьма хан» («Ом мани падме хум»), мантра в буддизме Махаяны, посвященная бодхисаттве сострадания Авалокитешвара). Птица ангир опять нырнула в воду и на пути говорила слова: «об мани будьма хан». На этот раз птица ангир достигла дна, взяла земли со дна и обратно вынырнула на поверхность воды» (Хангалов, 1960: 6).

Отметим, что буддийскому влиянию подверглась и вторая версия мифа, в ней творцами земной суши оказываются целых три почитаемых бурятами божества: Шибэгэни-бурхан (будда Шакьямуни, основатель буддизма), Мадари-бурхан (будда будущего Майтрея) и Эсэгэ-бурхан (в шаманском пантеоне верховный бог Эсэгэ Малан тэнгэри) (Хангалов, 1960: 8). Данное обстоятельство, вероятно, отражает синкретичное сознание бурят второй половины XIX – начала XX в., когда буддизм широко распространился у забайкальских, присаянских и части предбайкальских бурят.

Надо полагать, что архаичной является именно первая вариация рассматриваемого мифа как содержащая две важные детали: образы древней богини-матери и первородной птицы, название которой в бурятском языке не увязывается ни с одной из водоплавающих птиц, обитающих в Юго-Восточной Сибири.

В мифологии большого круга народов Евразии тоже присутствует образ водоплавающей птицы, утки, самостоятельно или по приказу Создателя достояющей со дна моря/океана ил/землю, из которой образуют сушу. Исследование данного сюжета у финно-угорских наро-

дов показало, что он имеет прауральские истоки (Напольских, 1990: 65). В то же время схожий сюжет распространен у тюркских (Чувашская мифология, 2018: 135) и монгольских народов, что свидетельствует об его более древнем происхождении. Утка также фигурирует в славянских легендах о сотворении мира, но имеет негативную коннотацию: по приказу черта она крадет землю у бога (Гура, 1997: 667).

С образом утки связывается записанная у унгинских (предбайкальских) бурят легенда о *хун-нугаһан* ‘человеке-утке’ (Хангалов, 1960: 378). Хотя в ее основе лежит идея о полулюдах-полуптицах, кстати, в некоторой степени являющая калькой другой бурятской легенды – о собачьем царстве (Бадмаев, 2023: 33), акцент сделан на якобы целительских качествах таких существ: «Эти утки имеют лекарственное значение. Они излечивают от всяких болезней – только стоит приложить к больному месту, и в то же время больной чувствует облегчение» (там же).

В основе таких суждений, вероятно, лежит народная целительская практика, известная у предбайкальских бурят, когда внутренности и кровь курицы применялись для лечения некоторых заболеваний. Учитывая позднее появление в хозяйстве бурят этой домашней птицы, стоит предположить, что истоки такого врачевания все же были связаны с дикой птицей. В частности, у бурят были зафиксированы традиции лечения больных бешенством путем слушания крика альпийской галки или окуривания ее перьями, а также исцеления от зубной боли, ковыряя больной зуб засушенным языком дятла (Потанин, 1883: 131, 707). Мотив исцеления посредством птицы прослеживается в эпике бурят: так, мифическая праматерь богов Манзан Гурмэн Тоодэй, положив жаворонка на грудь героини, вытягивает из нее болезнь (Гэсэр, 1986: 32).

В мифологии и фольклоре бурят особо выделяется образ турпана. Появления этой утки объясняли чудесным превращением буддийского монаха, ламы, в нее. Этот сюжет развивает монгольскую сказку, посвященную зарождению созвездия Большой Медведицы (по-бурятски *Долоон убгэд* ‘Семь старцев’). В ней говорится: «После семеро товарищей удалились на большую гору, где построили монастырь. Тут, вдали от злых людей, начальник обучил их всем наукам. Когда они научились даже летать, они оставили нашу землю и улетели на небо, где образовали семь звезд Большой Медведицы» (Беннигсен, 1912: 57). В бурятских вариантах этой сказки лама определяет семерым героям путь очищения греха, предлагая им броситься с обрыва в морскую пучину: согласно одной версии произведения, культурные герои, не достигнув глади воды, взмывают в небо и обращаются в звезды Большой Медведицы (Сказания бурят, 1890: 61); по другой, они погружаются в водную стихию и затем взмывают в небеса (Бурятские народные сказки, 2002: 215). Позавидовав вознесению семерых друзей, лама следует за ними, но превращается в турпана. Очевидно, здесь имеет место отрицательная коннотация буддийского монаха, распространяемая на образ утки.

Укажем, что бытовала вариация этой сказки, не увязываемая с происхождением созвездия Большой Медведицы, согласно ей: «Птица турпан... прежде была ламой. Человек поверил ламе, сел верхом на коня и прыгнул в море, но на пути был поднят верхом на небо. Тогда лама тоже прыгнул в море, но на пути был обращен в птицу турпана и улетел» (Хангалов, 1960: 28–29).

Как можно понять, мотив обращения буддийского монаха в турпана был порожден цветовой ассоциацией оперения этой утки, в первую очередь с одеянием ламы: «Через малое время вылетел из моря турпан. Голова у него была белая, а перо черное с красноватым отливом. Это оттого, что у ламы волосы были седые, а дэгэл (верхняя одежда. – А. Б.) – красный» (Бурятские народные сказки, 2002: 215). Причем в другой версии сказки, противореча истине, утверждается, что подобно одеянию буддийского монаха данная утка имеет желтый окрас (Хангалов, 1960: 61). Вероятно, ее автор не имел представления о действительном облике этой птицы, а исходил из одного из значений слова *ангир* ‘желтый’ (Буряад-оруд толи, 2010: 67). Между тем в монгольских языках это слово обозначает еще и другой цвет: *ангир* ‘красный’. В качестве примера использования данной лексемы можно привести имя одного из персонажей

монгольской сказки об Их Алимэ (Беннигсен, 1912: 83), матери всех богов – *Ангир Шара Эмэгэн* ‘Искрасна-желтая старуха’.

Идея оборотничества человека в турпана просматривается и в других фольклорных произведениях бурят, например в сказке «Жизнь Элгэсын-гелонга» (Сказания бурят, 1890: 116). В то же время с этой птицей увязывается мотив обращение души покойного в утку. Например, в одной шаманской легенде сообщается: «После смерти (шамана) Болода труп его разрубили надвое, но труп превратился в уток, и те утки поплыли по озеру Холбо нуур» (Дамдинов, 1998: 28).

В народных приметах бурят утка имеет очевидную негативную характеристику. Верили, что появление гнезда дикой утки, в частности турпана, под летней срубной юртой представляет угрозу членам семьи (Потанин, 1883: 133; Хангалов, 1960: 73). Кроме того, турпана подзревала в каннибализме – в поедании своих птенцов (Хангалов, 1960: 28–29).

О его нелюбви к потомству может свидетельствовать следующая бурятская загадка:

«Голдо гурбан хажар юунэ?

Андир хубуундээ хажар,

Хуурай тумэртоо хажар

Уһан эрьедээ хажар.

Какие основные три зла?

Турпан злой своему дитю,

Напильник к железу зол,

Вода не любит берег» (перевод мой. – А. Б.) (ПМА).

Выводы

Проведенное исследование показывает, что в мифологических воззрениях бурят образ утки полисемантичен и характеризуется амбивалентностью коннотации.

Выяснено, что, по традиционным представлениям бурят, утка символизирует женское начало. Данная водоплавающая птица связывалась с двумя сферами обитания – небом и водой – и выполняла функцию посредника между ними. Ее образ был вписан в космогонические представления бурят о сотворении мира. В мифологии и фольклоре ей предписывали лечебную функцию. С уткой (турпаном) ассоциируется идея оборотничества человека в утку. Кроме того, прослеживается мотив обращения души покойника в нее. В народных приметах бурят отмечается негативная коннотация утки.

Список сокращений:

БГУ – Бурятский государственный университет

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

ВСОИРГО – Восточно-Сибирское отделение Императорского русского географического общества

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИВ АН СССР – Институт востоковедения Академии наук СССР

МГУ – Московский государственный университет

ПМА – Полевые материалы автора

СЭ – Советская этнография

Литература:

- Бадмаев А. А.** Образ собаки в традиционном мировоззрении и ритуале бурят // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 49. С. 30–43.
- Бардаханова С. С.** Малые жанры бурятского фольклора. Пословицы, загадки, благопожелания. Улан-Удэ, 1982. 208 с.
- Беннигсен А. П.** Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912. 168 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь:** Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с.
- Бурнаков В. А.** Образ утки в традиционном мировоззрении хакасов // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 471–473.
- Буряд-ород толи.** Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов, Л. Д. Шагдаров: в 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. Т. I: А–Н. 636 с.
- Бурятские народные сказки.** Улан-Удэ: Республиканская типография, 2002. 456 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр.** Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. I. 288 с.
- Дамдинов Д. Г.** О верованиях ононских хамниган. Улан-Удэ: Соел, 1998. 90 с.
- Коблик Е. А.** Разнообразие птиц (по материалам экспозиции Зоологического музея МГУ). М.: Изд-во МГУ, 2001. Ч. 1. 384 с.
- Краткий дагурско-русский словарь** / сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
- Линденау Я. И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. 176 с.
- Люцидарская А. А., Мелешко Е. М.** Орнитологические сюжеты в религиозных представлениях и мифотворчестве народа манси // Зеркала культур: памяти А. М. Сагалаева. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 140–151.
- Миллер Г. Ф.** Описание сибирских народов / изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с. (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов: VIII. I: Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды. Часть 1).
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Напольских В. В.** Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // СЭ. 1990. № 1. С. 65–74.
- Поппе Н. Н.** Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 566 с. (Тр. ИВ АН СССР; Т. XIV).
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1026 с.
- Сказания бурят,** записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.
- Тресиддер Дж.** Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
- Хадахнэ К.** Легенда о сотворении мира и человека (варианты кахинских бурят) // Жизнь Бурятии. 1926. № 1–3. С. 32–38.
- Хальмг-орс толь.** Русско-калмыцкий словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.
- Хамниганско-русский словарь** / отв. ред. Д. Г. Дамдинов. Иркутск: Оттиск, 2015. 364 с.
- Хангалов М. Н.** Собрание сочинений. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. Т. 3. 421 с.
- Цыбиктаров А. Д.** Бурятия в древности. История (с древнейших времен до XVII века). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1999. Вып. 3. 266 с.
- Чжао Ц.** Звери и птицы как символы в китайской культуре / Чжао Цзунфу, Лю Юнхун. Пекин: Шанс; СПб.: КАРО, 2013. 236 с. (Серия: Культура и история Китая: Символика китайской культуры).
- Чувашская мифология:** этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.

Бадмаев Андрей Андреевич.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.

E-mail: badmaeva@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 23 апреля 2023 г.

A. A. Badmaev

THE DUCK IN THE MYTHOLOGICAL VIEWS OF THE BURYATS

Studying the symbolic complex of wild fauna as part of the general worldview of the peoples of Russia is one of the critical tasks of Russian ethnography. In order to solve this problem, fundamental studies of the material of individual ethnic groups (Russians, Veps) have been carried out. In this regard, it remains relevant to conduct further research on this topic, including the culture of other peoples. One of the central ornithomorphic images in the traditional worldview of many peoples of Eurasia is the image of the duck, which is due to its extensive habitat and the utilitarian value it has as an object of meat hunting. This image is ambiguous and characterized by an ambivalent meaning. This topic has not yet been explored in Buryat ethnography. This article is dedicated to the image of the duck in the mythological imagination of the Buryats. The work is based on folkloristic, linguistic, and ethnographic sources. The main method used in the work is the structural-semiotic method, which makes it possible to determine the symbolism reflecting the ideas about the duck. This waterfowl did not belong to the category of sacred, totemic animals, and the Buryats did not avoid its meat. It is pointed out that of the two Buryat duck names – hono and nugahan – the latter is the bird's generic name and has a common Mongolian origin. It is emphasized that the image of the duck in Buryat mythology is polysemantic and ambiguous. According to traditional Buryat belief, the duck symbolizes the female principle. This water bird was associated with two spheres of life – the sky and the water – and served as a mediator between them. Its image was inscribed in the Buryats' cosmogonic ideas about the world's creation. In mythology and folklore, the duck was ascribed to a therapeutic function. The idea of a person turning into a duck is associated with a duck (turpan). The motif of the transformation of the soul of the deceased into a duck has also been passed down. In the folk symbolism of the Buryats, the duck has a negative connotation.

Keywords: *Buryats, traditional worldview, wild fauna, duck image, folklore*

References:

- Badmaev A. A.** *Obraz sobaki v traditsionnom mirovozzrenii i rituale buryat* [The image of a dog in the traditional worldview and ritual of the buryats] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism]. 2023. No. 49. P. 30–43.
- Bardakhanova S. S.** *Malye zhanry buryatskogo fol'klora. Poslovitsy, zagadki, blagopozhelaniya* [Small genres of buryat folklore. Proverbs, riddles, good wishes]. Ulan-Ude, 1982. 208 p.
- Bennigsen A. P.** *Legendy i skazki Tsentral'noi Azii* [Legends and Fairy tales of Central Asia]. St.-Petersburg, 1912. 168 p.
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'** [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: Academia, 2001–2002. 2198 p.
- Buryad-oroḍ toli.** *Buryatsko-russkii slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip., 2010. Vol. I. 636 p.
- Buryatskie narodnye skazki** [Buryat folk tales]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tip., 2002. 456 p.
- Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik** [Chuvash mythology: an ethnographic reference]. Cheboksary: Chuvash book Publ., 2018. 591 p.
- Chzhao Ts.** *Zveri i ptitsy kak simvoly v kitaiskoi kul'ture* [Animals and birds as symbols in Chinese culture]. Beijing: Shans; St.-Petersburg: KARO, 2013. 236 p.
- Damdinov D. G.** *O verovaniyakh ononskikh khamnigan* [About the beliefs of the onon hamnigan]. Ulan-Ude: Soel, 1998. 90 p.
- Geser.** *Buryatskii narodnyi geroicheskii epos* [Geser. Buryat folk heroic epic]. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1986. Vol. I. 288 p.
- Gura A. V.** *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [The symbolism of animals in slavic folk tradition]. Moscow: Indrik, 1997. 912 p.
- Koblik E. A.** *Raznoobrazie ptits (po materialam ekspozitsii Zoologicheskogo muzeya MGU)* [Diversity of birds (based on the materials of the exposition of the Zoological Museum of Moscow State University)]. Moscow: Moscow State Univ. Press., 2001. Pt. 1. 384 p.
- Khadakhne K.** *Legenda o sotvorenii mira i cheloveka (varianty kakhinskikh buryat)* [The Legend of the creation of the world and man (variants of the kakhin buryats)] // *Zhizn' Buryatii* [Life of Buryatia]. 1926. No. 1–3. P. 32–38.
- Khal'mg-ors tol'.** *Kalmytsko-russkii slovar'* [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk, 1977. 765 p.
- Khamnigansko-russkii slovar'** [Hamnigan-Russian Dictionary]. Irkutsk: Ottisk, 2015. 364 p.
- Khangalov M. N.** *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1960. Vol. III. 421 p.

- Kratkii dagursko-russkii slovar'** [Short Dagur-Russian Dictionary]. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 2014. 236 p.
- Lindenau Ya. I.** Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII v.). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka [Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century). Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan: Magadan book Publ., 1983. 176 p.
- Miller G. F.** Opisanie sibirskikh narodov [Description of the siberian peoples]. Moscow: Monuments of historical thought Publ., 2009. 456 p.
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [Buryat anthroponymy]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 222 p.
- Napol'skikh B. B.** Mif o vzniknovenii zemli v praural'skoi kosmogonii: rekonstruktsiya, paralleli, evoljutsiya [The Myth of the origin of the Earth in the Proto-Ural cosmogony: reconstruction, parallels, evolution] // Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]. 1990. No. 1. P. 65–74.
- Poppe N. N.** Mongol'skii slovar' Mukaddimat Al-Adab [Mongolian dictionary of Muqaddimat Al-Adab]. Moscow; Leningrad: USSR AS Publ., 1938. 566 p. (Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences; Vol. XIV).
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva [Essays on North-Western Mongolia. Results of a trip performed in 1879 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. Iss. IV: Ethnographic materials. St.-Petersburg: Kirshbaum Publ., 1883. 1026 p.
- Skazaniya buryat**, zapisannye raznymi sobiratelyami [Legends of the buryats recorded by different collectors] // Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. 1890. Vol. 1, Iss. 2. 160 p.
- Tresidder G.** Slovar' simbolov [Dictionary of symbols]. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 448 p.
- Tsybiktarov A. D.** Buryatiya v drevnosti. Istoriya (s drevneishikh vremen do XVII veka) [Buryatia in ancient times. History (from ancient times to the XVII century)]. Ulan-Ude: Buryat Univ. Press., 1999. Iss. 3. 266 p.

Badmaev Andrey Andreevich.

Doctor of History Science, Leading Researcher Fellow.

Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian branch RAS.

Academician Lavrentiev ave., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: badmaevaa@ngs.ru